

INSPIRIA

Денис Лукьянов

ЧЕЛОВЕК

18+

ЧЕЛОВЕКУ

INSPIRIA

Loft. Современный роман. В моменте

Денис Лукьянов

Человек человеку

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лукьянов Д. В.

Человек человеку / Д. В. Лукьянов — «Эксмо», 2026 — (Loft. Современный роман. В моменте)

ISBN 978-5-04-246782-0

Ваня — молодой амбициозный театральный режиссер. К мечте — поставить концептуальную и громкую версию «Перы Гюнта» — он идет по головам: встречается с богатыми женщинами, предаёт друзей, манипулирует близкими. Но однажды сюжет любимой пьесы приходит в его собственную жизнь. В канализации он встречает троллей, городской сумасшедший грозит переплавить его на запонки, а призраки прошлого возвращаются. Договорится ли он с совестью? Пойдет ли на сделку с троллями? И сможет ли стать собой доволен? Острый и неуютный роман про молодого режиссера (или про трикстера?). Чем дальше его читаешь, тем яснее: в нем все не то, чем кажется. Сам себя обманувший Пер Гюнт современности, взглянув на свои руки, посмотри: не растет ли на них тролля шерсть? Мария Воробьи, автор романов «Вербы Вавилона» и «На червленном поле» Магический реализм, который вас удивит. Современный Пер Гюнт — талантливый лжец Ваня — разрывается между тремя женщинами, великой постановкой и самим собой, пока не понимает, что по пятам следуют не только те, кого он предал, но и создания более могущественные. Жестокая и честная история о том, можно ли играть с чужой жизнью и остаться при этом человеком. Саша Степанова, писательница Содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-246782-0

© Лукьянов Д. В., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

От автора: знакомьтесь, Пер Гюнт!	7
Что было до	8
1	9
Сейчас	9
Тогда	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Денис Лукьянов

Человек человеку

© Лукьянов Д., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2026

* * *

В душе будь троллем, с виду же – чем хочешь!
Генрик Ибсен¹

Поскольку одним из главных заклинаний эмигрантской волшебной книги является «Мне хочется не быть собой», важно придумать полочее – кем же тебе хочется быть.

Полина Барскова²

Такова жизнь, Прозерпина: способны выжить только те существа, которые могут преобразиться...

Альберт Санчес Пиньоль³

¹ Ибсен Генрик. Пер Гюнт. Перевод А. и П. Ганзен.

² Барскова Полина. Сибиллы, или Книга о чудесных превращениях. Издательство Ивана Лимбаха.

³ Пиньоль Альберт Санчес. Молитва к Прозерпине. Издательство «Азбука».

От автора: знакомьтесь, Пер Гюнт!

Начало неожиданное! Согласитесь? Но подумалось мне, что в тексте, как вы поняли из аннотации, о театральном режиссере, который решил поставить «Пер Гюнта», не лишним будет кратко освежить сюжет оригинала. На всякий случай. Много времени не отниму! Итак, представьте, что перед началом спектакля к вам выходит актер в гриме (положим, с внешностью автора) и начинает с хитрой улыбкой на лице...

«Пер Гюнт – фантазер и врунишка, который забавы ради врет даже своей матери; над ним издеваются другие парни в деревне, куда более, скажем так, практико-ориентированные. Однажды Пер отправляется на деревенскую свадьбу, встречается там красивую незнакомку Сольвейг – искра, буря, безумие, он зовет ее на танец, но получает от ворот поворот, а затем похищает другую девушку, Ингрид, чужую невесту. Конечно же, деревня возмущена, и Пера объявляют вне закона.

Недолго думая, он сбегает в лес, в горы и там встречается женщину в зеленом – дочь Доврского деда, короля троллей, и другую нечисть. Побить принцем?! Почему бы и да! На аудиенции с Дедом Пер всячески паясничает, Дед предлагает ему стать троллем – тут-то Пер и соскакивает! Позже в лесу его находят Сольвейг и мать, говорят, что в деревню ему по-прежнему нельзя. Ну а затем Пера находит та самая женщина в зеленом, показывает уродца-младенца – заявляет, что это ребенок Пера. Что остается? Правильно! Только сбежать. А дальше...»

Оформите подписку и узнаете! Seriously, такого краткого пересказа хватит. Надо только добавить, что вскоре Пер отправляется в разного рода путешествия, а в конце жизни встречается с Худошавым (дьяволом) и Пуговичником, фольклорным персонажем, который переправляет души всех, кто и не грешил, и благих дел не совершал. Короче, ни рыба ни мясо.

Вот, пожалуй, и хватит! Читайте Ибсена, смотрите Ибсена, а теперь...

Добро пожаловать в совсем другую историю.

Что было до

Вход в его мир уже много лет освещает картонное солнце.

Он собрал его по кусочкам: аккуратно вырезал лучи из желтых листов, найденных в пачке детского картона («Сыну?» – спросила продавщица-улыбаха), склеил дешевым ПВА и, заметив, что светит оно недостаточно, пропитал двумя слоями желтой краски; толстые мазки высохли, как на полотнах нищих авангардистов.

Его историю – пока назовем его просто В. – стоит начать совсем не так, и это понятно. Однако хочется сразу показать, что ни к чему хорошему все ухищрения и скитания, все росказни и хитрости, все подлости и уловки В. не приведут. Скажем откровенно: финал его ждет неприятный. Мы не хотим быть слишком назидательными, но в чем, как не в назидательности, одна из важнейших задач хороших историй в эпоху путаных кроссвордов и головоломок без решения? В особенности историй страшных – мы хотим рассказать как раз одну из таких.

Мы ничего не выдумываем, все описанное нами так и было, или будет, или происходит прямо сейчас. Время в наших чертогах-лабиринтах без окон, без дверей непостоянно и хитроумно – непостоянен и хитроумен и сам В., мчавшийся по островам Черного моря к далекой Итаке: слишком много в этом плавании волшебных туманов, чародейских бурь и обыденных подлостей. Но вот беда: порода Одиссеев давно вымерла, а боги человеку более не покровительствуют.

Можно было бы начать рассказ о В. академически, с детства, чтобы сразу нащупать все его комплексы – их было много – и порадовать психоаналитиков, которые, быть может, доберутся до этой книжицы, хотя шанс ничтожно мал; можно было бы сделать наоборот: раскрутить цепь событий от последнего, самого странного, к первому, вполне заурядному. Но нам приходится выбрать другой путь: оттолкнуться от случайного эпизода из уже взрослой, осознанной жизни В., с его двадцати семи годов, когда он собою все еще недоволен – запомним это словечко, вся соль в нем! К тому же снабдим наш рассказ особого рода мнимыми воспоминаниями, ведь прежде всего мы надеемся, что книжица эта попадет в руки к самому В. и, возможно, как-то изменит его финал. Никто не лишен выбора!

Впрочем, если книжица наша попадет хоть в чьи-то руки, может, даже в ваши, – уже недурственно.

И вот мы наконец-то готовы заговорить другим языком и передать слово самому В., история которого, как нам кажется, наведет на мысли о разном – не важно, о чем конкретно; тут-то вся соль вновь в одном словечке – «наведет».

Ведь наведет – и слава богу!

1

Сейчас

Ваня терпеть не может эту квартиру, но мирится с ней. Обставлена она по-советски, все равно что по-древнешумерски: непонятно зачем нужная коллекция чешского хрусталя с бокалами, салатниками и вазочками для красной икры; коричневые комоды с витыми ручками, явно пережившие своих мебельщиков; в гостиной и спальне ковры – хорошо, не на стенах; забитые антресоли лучше не разбирать – вдруг там притаились куклы-убийцы Чаки, заставшие злодеяния Чикатило; до старенького трюмо с большим зеркалом страшно дотронуться – накличешь семь лет несчастья к уже отмеренному сроку. Куда уж больше!

Ваня отворачивается от собственного полуобнаженного отражения, чтобы обхватить руками девушку в зеленом, только-только надетом белье и целует ее в щеку. Как жаль: пора простаться. Она одевается, он – смотрит, желая в замедленной съемке увидеть каждое ее движение, каждый предмет одежды: рубашка, юбка, носки, кеды. Ее зовут Оля, он прекрасно помнит, но в такие моменты хочет забывать об именах. Она – девушка в зеленом белье, выпускница элитного вуза, мастер по костюмам в его грядущей постановке.

Время своенравно: застывает, когда не нужно; сейчас же несется галопом, и вот Ваня уже провожает Олю – все, имя вернулось на свое место, – целует, захлопывает дверь. Возвращается к кровати, какое-то время сидит неподвижно, смотря на колыхающиеся шторы – весна, окна нараспашку, – и вспоминает, что надо бы погладить костюм: он постоянно носит их, пестрые, в стиле Сола Гудмана. Но сейчас – просто рубашка с короткими рукавами. Только он успевает накинуть ее, как слышит звонок, подбегает к двери, открывает, сразу выдает чеширскую улыбку.

– Думала, сегодня вернусь раньше тебя. – Белоснежная кожаная сумка поставлена на тумбочку в коридоре, блестящие черные туфли сняты, дверь захлопнута. – И какой-то ты взъерошенный... Все хорошо?

Теперь уже Ваню целуют в щеку – Black Orchid, Rouge Hermés; парфюм – ошейник, отпечаток поцелуя – клеймо. И пока она – нет, скорее Она – ставит чайник и снимает серебристый пиджак, становясь еще больше и в талии, и в груди, он рассказывает артистично и быстро, как всегда делал перед задирами-мальчишками и институтскими мастодонтами, о дикой и бешеной собаке, ворвавшейся на репетицию, – и почему опять никто не закрывает двери! – и о своем героическом, как у Ивана-царевича с Серым Волком, поединке: как нашел среди реквизита палку, как загнал псину в уборную и запер там. Вот и пришлось закончить репетицию раньше. Вот и такой взъерошенный. Вот и так бьется сердце.

– Надеюсь, ты, Иван-царевич, ее не оседлал. – Она смеется низким голосом – это все сигареты, сама сказала при первой встрече, будто это могло его напугать.

– А? – Ваня отвечает не сразу, думает уже не о вымышленной собаке, а о выкинутом – или нет, вот в чем проблема – презервативе.

Ничего не исправить: Она уже идет в спальню, хочет переодеться. Не любит, если он за Ней подглядывает, – а он только рад не смотреть. Ваня зажмуривается: сейчас все рухнет, вот-вот, сию минуту; он забыл о малюсенькой детали, хотя как режиссер знает их неоспоримую важность. Все, все, все – конец планам; последняя жизнь в видеоигре, а дальше – суровое пиксельное game over, которым он тешил себя, пуская слюни на чужие приставки.

И все же ошибки Ваня не допустил.

Она снова на кухне. Пальцы Ее с маникюром зеленым-зеленым – как крашеный забор! – нащупывают кнопку кофемашины; щелк – лопается капсула, и та жужжит, пытит, старается.

Ваню раздражает: звуки слишком напоминают о детстве в военном городке; там правила дисциплины, там носившим форму не позволялось ни плакать навзрыд, ни смеяться в голос, – а-а-атставить! – там жила мать, заводной солдатик в юбке, сделанный на главной городской фабрике. Городок только тем и славился – хотя еще ведь быстрыми, как пожар, сплетнями, и трудовиками, отсекавшими пальцы серпом и попадавшими на первые полосы желтобумажных газет, и ржавыми турниками, на которых мальчишки подтягивались, мерились силой, дурачились и сдирали руки в кровь, а потом мазали зеленкой и йодом – кому что нравилось, – чтобы медсестры, встречавшие их, недовольно цокали языками и загоняли в медпункт; мальчишкам представлялось, что скоро они потрогают груди под белым халатом.

В том ржавеньком городке Ваня и научился врать и сочинять – хоть о сокровищах, хоть о красных глазах в ночных переулках, хоть о волках и бешеных собаках – так залихватски, что все слушали, открыв рот, пока вновь не начинали колотить. А пока они, устав задираТЬ его, вновь подтягивались – эээ-раз, два, эээ-раз, два! – и отжимались, Ваня сидел в маленькой библиотеке – ею-то городок совсем не славился. Пока все другие, украдкой бравшие там только DVD-диски, шептались о старом еврее-библиотекаре, стучащем черными копытами, звали его Вечным жидом, которому по четным дням надо смотреть в глаза, а по нечетным – прятать взгляд, Ваня проводил там слишком много, говорила мать, свободного времени для мужчины, но Вечный жид только трепал Ваню по голове и заявлял ей с анекдотическим акцентом: «Ой ли! Таки поверьте мне, ваш мальчик далеко пойдет – книги еще никому не повредили, разве что кроме старины Мойши, знавшего старину Борхеса, но то уж-таки история из другого анекдота». Но за сборниками сказок – читая их, Ваня и догадался, что правит книжным царством не Вечный жид, а настоящий колдун, мечтающий получить власть над чертом прямо на епископском кладбище, – и приключенческими романами о неудачниках, выбившихся в дамки, не спастись было от бесконечного скрежета и стрекотания: тиканья траурных часов, цоканья цельнометаллических чайников, шуршания заштопанных штанов и клацанья нечищенных каблучков.

– Что ты морщишься? – спрашивает Она, разбавляя кофе жирными сливками прямоком из холодильника. Проливает на пальцы, вздыхает, протирает салфеткой. – Расстроен, что репетиция сорвалась? Уж, допустим, поверю, что из-за собаки...

– Да нет, вспомнил дурное, – отмахивается Ваня. – А так даже хорошо, все побольше отдохнут. А мы с тобой побольше побудем вместе.

Захоти он вновь вспомнить ржавый городок, вспомнил бы и три любимые книжки все из той же библиотеки: сперва – «Том Сойер», потом – «Двенадцать стульев», потом – «Пер Гюнт». Вспомнил бы – и улыбнулся бы своей последней лжи.

– Дай мне полчаса прийти в себя, – говорит Она. – И я займу тебя чем-нибудь другим.

Рукой, еще недавно испачканной сливками, Она касается Ваниной шеи. Он улыбается через силу, уже думает, какими словами подсластить разговор, да поприторнее. Спасает телефон: вибрирует; мерцание фонарика – как сигнал SOS. Ваня смотрит на уведомление.

– Ой! – Он делает испуганное лицо. Быстро печатает, молчит, гасит экран. – Прости, дорогая, совсем забыл. Мы договорились сегодня встретиться, обсудить еще пару деталей постановки, думал, забежим сразу после репетиции, но...

– С Мальвиной? – Она делает медленный глоток. Замирает с кружкой в руке.

– Ревнуешь? – ухмыляется Ваня, резко встает со стула. Чмокает Ее в щеку – вечно жирную, как сливки, вечно промазанную толстым слоем косметики; Ее ритуал – зеркало и мицеллярные диски перед сном. – Я же тебе говорил...

– Нет-нет, что ты. – Она помешивает кофе, громко звенит ложечкой. – Ты же нас давно познакомил. Я все помню! Никакой ревности. Так – опасения. Вырастешь, поймешь.

– Опять ты начинаешь! – Ваня отвечает уже из коридора. Весной хорошо: накинул толстовку, если на обычную встречу; если на деловую – пиджак и яркую футболку, всунул ноги в кроссовки и пошел. Весной хорошо, да – быстрее сбегать.

И он сбегает под очередным предлогом – на этот раз невыдуманым, он правда позабыл о встрече, назначенной еще неделю назад.

Солнце вот-вот зайдет за горизонт, наступят сумерки, принеся чудеса и сплетни, – невесть что возможно под их патронатом. Ваня спешит через вечерний город – идет пешком, дышит майским теплом, спасительным после проклятой затяжной зимы, вечно приходящей и уходящей неожиданно; никакого больше метро, никаких автобусов, только такси и прогулки. Теперь он почти царь этой горы, перебрался в центр, в одну из квартир, о которых мать, если вдруг они выбирались из военного городка, говорила: «Такое для мажоров и счастливицков, эх, все не для людей». Значит, он, Ваня, теперь мажор и счастливчик. Значит, он – и не человек. Он минует припаркованные у тротуаров блестящие машины, мерцающие неоновые вывески, выходит на набережную – загораются, моргают фонари, и кто-то то ли пьяный, то ли счастливый кричит вдалеке «хрррустальный мир!» и гремит бутылками то ли с пивом, то ли с абрикосовой.

Ваня не замечает, как сумерки захватывают город, шепчут ему страшные гофмановские сказки, открывают двери песочным людям и крошкам цахесам, но спиной вдруг чувствует чей-то взгляд. Останавливается, оборачивается – знает, рядом никого, – и идет дальше. Ощущение слезки – как ночной кошмар, рождающийся из чудесного сна и настигающий постепенно: становится все осязательнее, и Ваня ускоряет шаг. Слишком хорошо знает это чувство, слишком хорошо помнит городок и шедших за ним по пятам – один в один мерцали фонари, но не было в этом столичной романтики, – мальчишек, постарше и помладше, вскоре зажимавших его в углу и отбиравших бейсболку. Они играли с ним, как с собачкой: кидали эту бейсболку друг другу, кричали «Поймай-поймай!», мстили за рассказы. Зачем? Ваня не стремился понять. Завидовали, наверное: сами не умели так складно врать и сочинять, только подтягивались на ржавых турниках, раз-двааа, раз-двааа!

Как же спастись? Стоп. От кого? Игра воображения, Ваня слишком ушел в мысли о спектакле, вот и мерещится всякое, даже странные шаги за спиной – это красные каменные башмаки ступают по гравии?

Ваня еще немного ускоряется и наконец видит знакомую вывеску. Играет в гляделки со светофором, дожидается зеленого, перебегает дорогу, чуть не врзается в черта-курьера, выскочившего из-за угла на электросамокате, заходит в кофейню. Звон дверных колокольчиков – охранного амулета – успокаивает. Ваня улыбается, смеется над самим собой: это надо же так переутомиться, чтобы пойти на поводу шальных фантазий! Все равно что придумывать страшилки для чьих-то детей и племянников, а пугаться самому.

Ваня сразу видит Мальвину за угловым столиком – их любимым, студенческим. Трудно не заметить ее крашенные в пепельный волосы. Видит – и окончательно приходит в себя.

– Ты как-то рано! – Она встречает его фирменной таинственной улыбкой, размешивая сахар в чашке с вечерним кофе: пьет его в любое время суток. – Даже не опоздал. Удивительно.

– Какая ж ты жопа, – фыркает Ваня. – Представляешь, аж бежал! Ну, почти.

– Оно и видно, что почти. Так хотел увидеть меня или так устал от своей мадамы? – Она называет ее именно так. Что за привычка?

– Я дурею с этой прикормки! Когда-нибудь меня это станет бесить, так и знай.

– Да тебя уже. Чаю с мятой? Ромашкового?

– Иди в жопу. – Ваня садится рядом.

– Логический парадокс: как я могу быть ею и идти туда же? – Мальвина промакивает губы салфеткой. – Вань, ты правда какой-то нервный. Все норм?

– Вроде да. – Ваня быстро пролистывает меню, хотя помнит его почти наизусть. Захлопывает. – Представляешь, показалось, что за мной кто-то идет следом. Но там никого не было.

– Тебе надо отдыха-а-ать! – Она растягивает последнее слово по-матерински, заботливо и нежно, лишь с каплей иронии. – Мы уже не первокурсники, чтобы жить по формуле: бессонная ночь, чашка кофе, энергетик – повторить и возвести в степень.

Ваня смеется. Подходит официант – лицо каменное, строгое, то ли солдатское, то ли зэковское, – принимает заказ; слышно, как роняют на кухне то ли стакан, то ли тарелку. Ваня вздрагивает, но не оборачивается, хотя Мальвина – вечно любопытная Мальвина! – уже во все глаза смотрит, что же там разбилось. Ваня посмотрел бы, да боится: спину все еще словно холодит чей-то взгляд, такого с ним не было давно.

– Все совсем плохо? – Мальвина выводит Ваню из оцепенения. – Только давай честно. Мне кажется, мы не потянем. Даже с твоей мадамой. Тем более такие отношения, как у вас... склонны кончаться быстро и резко. Хотя не мне тебя судить. Уж не мне.

– Заметь, это сказала ты! Я молчал. Да и все у нас с вами не так уж плохо. – Ваня отпивает чай: взял травяной. Обжигает губы, небо – горячий. – А если не драматизировать, то все вообще-то очень даже хорошо, мои чьюваки! Мы с вами как сэр Тоби, сэр Эндрю и Мария – все у нас на мази, и наша шутка вот-вот станет представлением! По-моему, последняя репетиция прошла чудесно.

– Нет, в этом-то я не сомневаюсь. – Мальвина откидывается на спинку стула. – Мне просто кажется, что мы... стреляем в воздух. Все впустую. Буратино-Буратино, наш золотой ключик оказался бижутерией с «Алиэкспресса» по рубль двадцать за штуку. И тут нам даже твоя мадама Тортила не поможет.

Ваня улыбается: это он однажды пошутил так, но с универа уже забыл, а она помнит. Шутка родилась в первый год знакомства, когда купоросные волосы выдавали в ней настоящую сказочную Мальвину, борода в ее парне – абьюзера Карабаса, а взгляд нового, встреченного спустя восемь месяцев, напоминал о вечно печальном Пьеро. «Раз так, – сказала она однажды, когда Ваня, слегка пьяный, изложил ей эту теорию, – то нарекаю тебя Буратино!» – «Тогда снимать ремейк, – рассмеялся он, – должны были мы. Мы ж как влитые!»

– Да нет же. – Чай все еще горячий, но Ваня пьет через силу. Фантомный взгляд щекочет спину лунными лучами, скользящими по мертвому побледневшему телу. – Поверь, это будет фурор! – Он вскидывает руку. Вскочить бы сейчас на стол, как в каком-нибудь мюзикле! – Народ придет. Мы договоримся с десятком дорогих пабликов, билеты сделаем вообще бесплатными и так окупимся, что-что, а деньги нам теперь не проблема. Позовем пару-тройку блогеров каких. Они это увидят – и скажут, у-у-у-у, со смыслом, в жизни ничего свежее не видели!

– И какой только дилер тебе поставляет уверенность? Планы великолепны. – Мальвина достает электронную сигарету. Здесь можно вообще все: и с собаками, и со своей едой, и курить электронки, хозяйева – пожилая пара, слишком много запретов повидавшая на своем веку. – Но ты ходишь по охрененно тонкому льду.

– Я по нему скольжу на серебряных коньках, – ухмыляется Ваня. Они смеются. Чай наконец остывает, Ваня делает большой глоток. – Давай выкладывай мне все свои сомнения. Где сомнения, Лебовски! – Он в шутку ударяет кулаком по столу. Сам вздрагивает от того, как громко получилось. – Мы же договаривались в творчестве быть честными друг с другом. Колись давай!

– А что колоться? – Мальвина кладет голову на стол. – Я просто очень сомневаюсь во всем, Ваня. Мы так много сил вложили в этого «Пер Гюнта». У нас у всех горят глаза. Ты представляешь, как страшно будет, если они потухнут? Какая тьма настигнет Средиземье?

– Давай так, Мальвин. – Ваня вздыхает. Чай больше не лезет, а внутри до сих пор неспокойно. Может, обернуться? Увидеть за окном Слендермена, Фредди Крюгера, в конце концов, мать, стоящую с осуждающим лицом? – На меня тоже иногда находят такие мысли. Гадость

ужасная. Я пытаюсь их давить, но они возвращаются. Так что... я поговорю с Ларисой. В какой-нибудь очередной раз, когда она будет рассказывать про большие планы на галерею или попытается почитать мне свои стихи. Попрошу ее подключить какие-то связи, чтобы нас больше подсветить. Мне-то она отказать не сможет.

– Поражаюсь, и как тебе все это не противно.

– Не противно? До тошноты, Мальвин. И это не красивый образ. – Теперь от чая воротит. – А тебе что, тоже было с Карабасом не противно?

– Ладно. Принято. Ранил, убил, уничтожил.

– Прости. Все еще не по себе. Как думаешь, кто-то мог за мной увязаться? Я чувствовал...

– Да вряд ли, Вань. Зачем? Пойдем?

Он кивает. Какая тьма настигнет Средиземье... Ваня прекрасно, до дрожи представляет: разочарование – спутник его жизни.

Счет несут долго. Расплатившись, Ваня с Мальвиной наконец выходят на улицу.

– Мальвин, – Ваня все же снимает блокировку с дребезжащего телефона, – можно у тебя останусь?

– Да какой вопрос. – Она вновь курит. Смотрит в темное небо – звезд не видно, печально, сонливо. – Только закажи такси, ладно? Лень на метро ехать.

Ваня заказывает – повышенный спрос, пробки, – вглядывается в даль, во мрак улицы, просто чтобы отвлечься, и тут же вздрагивает: там, вдалеке, стоит, не шевелясь, силуэт и смотрит – отчего желтые глаза светятся по-кошачьи?! – прямо на него. Стоит дернуться – и каменные ботинки вновь застучат по гравию. Ваня быстро утыкается в телефон – не легче. Сообщение от Ларисы, пришедшее пять минут назад, горит в уведомлениях – надо отвечать.

Вот и такси. Ваня и Мальвина едут, не разговаривая, не отрываются от экранов, погружаются в дела. Но Ваня все же осмеливается посмотреть в окно, когда они проезжают сквозь мрак улицы. Так и знал – никого.

Тяжелый день, просто тяжелый день.

Ваня возвращается к реальности. Печатает, не давая автозаполнению наделать глупостей: «Зай, прости, тяжелый день, долго работали, останусь у друга, не скучай. Зато завтра... Ух, что устроим!» Ответ приходит молниеносно – смайлики с поцелуйчиками и сердечками, шесть штук. Хочется рассмеяться такой пошлости – да сил нет.

У Мальвины дома их уже ждет горячий чай, в каждой кружке по стопочке рома, Пьеро заварил – его фирменный рецепт – и удалился стучать по клавишам, кодить. Оба они, Ваня и Мальвина, уставшие, продолжают молчать. Мальвина поворачивается к окну, охает – тучи разошлись.

– Какая красивая луна! – Она пересаживается на подоконник, чуть ли не прилипает лбом к стеклу.

– Жуткая. – Ваня качается на стуле. Даже не смотрит на чай. Не лезет. – Полная и жуткая. У тебя, может, соседи сегодня в оборотней превращаются.

– Соседей из органов не имею, – усмехается она. – А ты что, опять вспомнил ту луну?

– Ну конечно. Ту и не ту. Она всегда такой была. – Ваня смотрит на кружку, на кухонные шкафы, на стену с гофрированными обоями. Куда угодно – не в окно. – Я уже достаточно стар, чтобы списывать все проблемы на положение луны?

– Имей совесть, это же не ретроградный Меркурий. – Мальвина снова усмехается, для нее луна – всего лишь луна, не напоминание. – Что-то ведь идет не так, да?

– Да нет, все идет так, я же тебе уже говорил. – Ваня кладет руки и голову на стол, как на школьную парту, – наступил невыносимый последний урок, быстрее бы сбежать домой, поест жирных котлет напрямиком из холодильника, не грея, и в библиотеку. – Ты боишься, что у всех потухнут глаза. А я... вот прямо сейчас я тоже этого боюсь. Я еще боюсь... чтобы все не вышло как в тот раз. Она, – Ваня лениво приподнимает голову, поворачивается к окну, – свидетель.

Он сбегает от призрачного взгляда лунного ока в мимолетные воспоминания: к знакомому столику, к знакомой квартире, к вещам минувшим...

Тогда

Бегая от разъяренных его остротами ржаворучих мальчишек, Ваня не думал ни о чем. Давал волю инстинктам, падал лицом в грязь, поскальзываясь на лужах, лежал, свернувшись калачиком, пока его били – шадяще, чтобы не влетело от его матери, ее они то ли уважали, то ли боялись; и Ваня возвращался домой весь в синяках, молчал, пока мать не ударила кулаком по столу, – придумывал небылицы: мол, какое-то чудище его толкнуло, или он засмотрелся на летающую тарелку, или увидел черного пуделя и погнался за ним; придумывал, пока не получал от матери подзатыльник – только тогда сознавался. Она цокала: «Дурында» – и наутро кричала кому-то в телефонную трубку – и чужие взгляды у турников сверкали, наточенные злобой.

В тот день, как обычно, мальчишки гонялись за ним по двору, смеялись на спортивной площадке, перекидывали через него мяч. Что им слова – перышки ничто рядом с кувалдой, им ведь не объяснишь, доказательство одно – ну-ка, вдарь посильнее, ну-ка, подтянись; и сперва Ваня пытался подтянуться, пытался вдарить, а потом просто молчал, смотрел и пинал камни в ожидании сумерек, когда из окон всех позовут домой, а он наконец отправится в театр: матери отдали на работе билеты просто так, и она согласилась.

Ваня задыхался от парфюма и коньяка, от колючего воротника свитера, от маминых причитаний: «Сиди на месте ровно, не задавай вопросов, просто смотри, остальное потом, а то никогда больше не пойдем в театр»; он послушался. Спектакль – это был «Недоросль» – смотрел как загипнотизированный, и когда актеры кланялись, а зал хлопал, Ваня плакал, побыстрее вытирал слезы, пока мать не увидела. Как так вышло – на сцене лгут, и все радуются, специально приходят насладиться профессиональным враньем, и никто не ставит за это в угол, не запрещает гулять вечером, не лишает новой игрушки. Он, Ваня, тоже так хотел и, зачем-то рассказывая об этом мальчишкам – снова турник, снова мяч отскакивает от асфальта, шлеп-шлеп, шлеп-шлеп, – в ответ получал: «Да херня, это все делают вид, что это круто; кто туда ходит, только пузатые дядьки и очкарики? Не нужны твои рассказы никому. Хоть в телик залезь – не нужны, понял?» И под гогот мяч летел в него – но он уже знал эту жестокую игру.

С матерью в театр он больше не ходил. Кружил возле нее акулой и намекал: вот бы сходить еще, ведь вон те, ведь вон эти, и когда он вырастет... «Когда ты вырастешь, – перебивала мать, – проблем на мою голову свалится только больше. Иди займись делом, телевизор хоть посмотри – нечего задыхаться запахами надушенных мымр на жестких креслах, еще и три часа, даже бутербродиков не сделать». Ваня стал цепляться за другие возможности.

Однажды он сидел на скрипучих качелях, думал. Хотелось есть, в животе урчало беспощадно, но он не собирался домой. Подошел местный очкарик из параллельного класса: хиленький, вечно в растянутой одежде, которую донашивал за старшим братом, между прочим, говорила его мама, задирая острый нос, столичным кадетом. Тумаков получал больше, чем Ваня, почти ни с кем не общался – сидел, уткнувшись в книги, медленно перелистывал страницы, поправлял очки; или вытаскивал их из туалета – как везло. Он подсел к Ване и прошептал: «Слышал, ты в театр ходил. Тут такое дело...»

Очкарик рассказал Ване: мол, отец с матерью купили билеты на какой-то спектакль, но отец заболел, а мать отказалась идти одна, вот и попросили его узнать – вдруг кто из друзей захочет со своими семьями сходить? Глаза Вани, наверное, засверкали – так, будто услышал сказку о древнем сокровище, закопанном, оказывается, во дворе, всего-то и остается найти лопату... Ваня схватил очкарика за плечи, сказал: «Отдавай! Чего медлишь!» Задрожавший очкарик полез в карманы, побледнел, промямлил: «Забыл... Забыл! Зайдешь в квартиру? Сразу и покажу маме, кому отдал, она хоть порадуется...» Ваня вскочил и, подгоняя очкарика, пошел за ним, уже представляя яркий свет, и запахи духов, и ловко врущих актеров... Они

толкнули тяжелую дверь подъезда, поднялись на четвертый этаж, но так и не дошли ни до какой квартиры: на лестничной площадке ржаворукие мальчишки поставили подножку. С криками «Вот придурок!» побили его, а потом, усадив к стенке, помахали перед носом двумя билетами – настоящими, Ваня не сомневался, видел даже плывущим взглядом, – и порвали их, бросили. Ваня кинулся собирать обрывки – мальчишки засмеялись. Громче всех – очкарик, которому те, уходя, пожали руку со словами: «Другое дело! Ну мужик!»

Ваня, в синяках и с засохшей под носом кровью, вернулся домой. Под громогласное молчание матери пообедал горячими, обжигающими пельменями, наврал, что упал и споткнулся, отправился в угол под холодное «Всыпала бы тебе ремня, да надоело» и долго слушал ее крики в телефонную трубку. Опять эти крики, ни к чему не приводящие.

Студентом уже он, как предатель-очкарик, пытался что-то доказать нафталиновым старикам своего режиссерского факультета, новым обидчикам, бьющим словами сильнее, чем ржавыми кулаками. Твердил, что театр – это подлинная метафизика, театр – нечто большее, чем джинсы и модненькие пиджаки вместо камзолов и фраков на героях Шекспира, Грибоедова и Мольера. Прогуливал невыносимые пары, сбегал на спектакли по Маркесу, шедшие по двенадцать часов с обедом, и думал, как бы обставить все так, чтобы мэтры-брахиозавры убедились в его правоте, не выкинув после первой сессии. Учеба – мечта, ради которой он сбегал из застывшего во времени городка, полного каменных лиц и заводных сердец, – разочаровала. Вместо домашних заданий Ваня обдумывал план: план, требующий минимальных затрат, план, работающий по гениальной формуле Великого комбинатора «Идеи наши – бензин ваш», план, способный показать всем его если не гениальность – не так был Ваня глуп, чтобы абсолютно уверовать в нее даже в горячие студенческие годы, – то исключительность.

Из комнаты общежития – шумной, полной трухлявых надежд, беспокоящих больше марша кухонных тараканов, – он спешил в кофейни, где лучше думалось, где можно было подслушивать, подглядывать и искать-искать-искать идеи. Однажды забрел в эту, с забавным названием «Одиссея Одиссея» – признанное место студенческой силы. Подслушал и ее, Мальвину, на первый взгляд пустую болтовню с подружкой по телефону: всю ночь проплакала, потому что ей опять наговорили гадостей, хочет наконец найти парня, с которым будет проще выбивать хорошие роли на сцене и в сериалах. Вот бы свалился на голову этот принц турецкого Голливуда, постучался бы в ее дверь; она ведь так старалась поступить, еле сдала первую сессию, обошлась без коротких юбок холодным декабрем, в отличие от других девочек, а вот кудрявым мальчишкам-то просто-напросто везло, их было мало, их все любили, им пророчили звездное будущее, кому-то – эмиграцию и международные роли, чтобы и там знали наших, не Юрой Борисовым единым! Дослушав весь разговор – заказанный чай давно остыл, – Ваня выждал несколько минут, извинился и, сев рядом, заговорил о театре, спросил, где она учится. Оказалось, там же. На два курса старше. На актерском.

Так и проговорили почти до закрытия кофейни. Несмотря на мороз, догуляли до дальнего метро, подивились вновь нечищенным улицам, отогрелись у турникетов и попрощались у ее подъезда, обменявшись номерами, – Мальвина поправила тогда еще купоросно-синие волосы и скрылась за железной дверью пятиэтажной сталинки.

Идя обратно к метро в темноте, в полном одиночестве, Ваня понял: о такой актрисе он всегда мечтал; с такой актрисой даже самое пустое станет вековечным – она будет гнуть свое, играть, как ей видится, и прислушиваться только к таким же непреклонным, еще издали сверкающим индивидуальностью. Ваня думал, их, молоденьких актрис, интересуется только секс, так и собирался заманивать в свои грядущие постановки – ах, как много копошилось в голове идей, побольше, чем тараканов на обещанной кухне! Теперь осекся. По глазам увидел – Мальвина не такая. Язык немел – не смог бы ей такого даже предложить.

И никогда не думал, что сам сможет вот так: просто дружить с девушкой, без намека на интим – ни в словах, ни во взгляде, ни в мыслях.

На втором курсе их препод, любивший, как говорили старшаки, выпендриться и похожий на хоббита – низенький, пухлый, добродушный, – сказал, что экзамен пройдет в новом формате. Надо будет подготовить один-два этюда, основой может быть любой текст: придуманный самостоятельно скетч, пелевинский рассказ или чеховская пьеса, никаких ограничений: «Поступили в творческий вуз – вот и творите что хотите». Ваня загорелся – зачем останавливаться на малом, когда можно утереть всем нос?

После пар он подкараулил Мальвину, в том году выпускавшуюся, прислонился к дверному косяку, дождался, пока она выйдет с последней пары, рукой преградил ей путь и приревновал: «Слышь, девчонка, хочешь сыграть в спектакле?» Первые минут пять она смеялась и отшучивалась, что, мол, ей надо быть его сутенершей, а не наоборот; позже наконец выслушала – и тоже загорелась. Уже сама подкарауливала студентов-актеров с младших курсов, амбициозных, неперегоревших, и зазывала участвовать в Ваниной авантюре.

– Я дурею с этой прикормки! – воскликнул он, узнав, сколько людей согласилось.

Десять человек. Значит, все получится – мини-спектакль, на котором профессор будет сидеть с удивленным лицом; может, его так и заклинит до конца жизни, а все однокурсники – как их, скучных и бездарных, хвалили преподы! – обмочат штанишки. Ваня решил устроить небольшое попурри, объединить фрагменты любимых пьес: собрал всех в «Одиссее Одиссея» и, держа в руке пирожок, как знамя, расписал все в красках – они зададут такого жара, что по рекомендациям их хоббита всех тут же позовут в лучшие театры города, а кого-то будет ждать кинокарьера! Под конец Ваня запрыгнул за стол, гаркнув прочитанное где-то: «Так победим!» Ему восторженно зааплодировали – большего он не желал. И только Мальвина ответила хитрой улыбкой.

Ваня решил идти ва-банк. Создать красочную, обворожительную химеру, своей творческой непристойностью достойную сцены «Мулен Руж»: попурри из «Буратино», «Пер Гюнта» и «Одиссея». Когда Мальвина, прыснув, спросила, откуда такой наборчик, Ваня объяснил: первого смотрел в детстве, да и сама она подлила масла в огонь как с Мальвиной не поставить «Буратино»; второй, ясное дело, был слишком близок к сердцу; а третий... Третий настиг его неожиданно, черноморским штормом – когда в детстве довел мать разбитыми коленями, треснувшим во дворе окном, очередным враньем, выслушал ее гневную речь – сплошь пулеметная очередь – и запомнил финальное, сказанное с подзатыльником: «Будешь как твой папка, наверное. Эгоистом, каких поискать. Одиссей – сбежал от жены, от детей. Козел». На вопрос «А кто такой этот Одиссей, мам?» он получил еще подзатыльник. Не сдался – спросил всезнающего библиотекаря, с хитрым прищуром штампующего книги и щелкавшего соленые фисташки так, будто они – золотые монетки, и вот он, жадный черт, проверяет их подлинность.

– Ну, – расхохотался библиотекарь и закашлялся, Ваня готов был поклясться, сажей. – Это путешественник. Бесстрашный такой! Всем врет и не краснеет – только так живым до дома и добирается. Только дома-то...

– Я тоже так хочу! – Ваня даже вскочил со стула. Библиотекарь выронил штамп, отшатнулся. – Также хочу быть таким, когда вырасту! Врать и путешествовать! И быть свободным! И побеждать пиратов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.